

A detailed illustration of a woman with short, wavy brown hair and striking green eyes. She is wearing a green top and a thin gold necklace. She is positioned in a sewing room, with a sewing machine visible to her right and several spools of colorful thread (red, yellow, blue) on a shelf to her left. The background is filled with various fabrics and patterns, creating a warm and creative atmosphere.

Алиса Градова

РАЗВОД

**Притворись
мёртвой и молчи!**

Алиса Градова

**Развод. Притворись
мёртвой и молчи!**

«Литнет»

2026

Градова А.

Развод. Притворись мёртвой и молчи! / А. Градова — «Литнет», 2026

У Натальи была размеренная и понятная жизнь: любимая дочь Леночка, просторная сталинская квартира, доставшаяся от деда-профессора, и небольшое, но успешное швейное ателье на дому. Каждый шов в её жизни был выверен до миллиметра. Всё изменилось, когда в их доме стала дневать и ночевать Ксения — хищная сестра её мужа Тараса. Сначала странная забота, затем «целебный» успокоительный чай для престарелой бабушки, а после — едва заметно переложённые документы в комод. Вернувшись однажды домой раньше времени, Наталья находит бабушку без сознания на полу. Но прежде чем она успевает набрать номер скорой, «умирающая» старушка железной хваткой сжимает её запястье и шепчет: «Быстро ложись рядом и не дыши. Ты всё поймёшь, когда войдёт твой муж».

Содержание

Глава 1. Шов наизнанку	5
Глава 2. Ловушка на двоих	7
Глава 3. Чёрная краска	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глава 1. Шов наизнанку

Жизнь Натальи всегда измерялась сантиметровой лентой. Вдох — замер талии, выдох — длина рукава. Ритмичный, мягкий стук швейной машинки был её персональным метрономом — успокаивающим, понятным, надёжным. В свои тридцать шесть лет Наталья Савина твердо знала: если шов пошёл криво, его всегда можно распороть и переделать. С тканью было просто. Ткань никогда не лгала, чего нельзя было сказать о людях.

В последнее время привычный, годами выверенный ритм её жизни сбился. Казалось, кто-то невидимый и недобрый подкрутил настройки семейного механизма, и теперь он работал с натужным, болезненным скрипом.

Всё началось с цветов.

Это был самый обычный, серый вечер четверга. Наталья сидела в своей маленькой мастерской — комнате, которую когда-то давно, ещё при жизни деда-профессора, называли кабинетом. Окна выходили в тихий двор, и тусклый свет уличного фонаря падал на рабочий стол, заваленный обрезками глубокого, тёмно-зелёного бархата.

В прихожей повернулся ключ. Наталья даже не шелохнулась, продолжая вести строчку. Обычно Тарас возвращался с работы уставшим и угрюмым. Он молча, тяжело разувался, бросал куртку на пуфик и сразу шёл на кухню, ожидая ужина. Но сегодня его шаги были другими — быстрыми, суетливыми, какими-то заискивающими.

Дверь в мастерскую распахнулась.

— Наташа! — голос мужа прозвучал неестественно бодро, почти фальшиво. — А я вот... решил тебя порадовать.

Он протянул ей букет. Пять длинных, плотных бордовых роз в хрустящей импортной плёнке. Дорогие. Слишком дорогие для их семейного бюджета, где каждая копейка была расписана на месяц вперёд.

Наталья медленно подняла глаза от шитья. Она посмотрела на его руки — грубые руки начальника склада, с въевшейся в кожу пылью и мелкими ссадинами. Сейчас эти пальцы сжимали нежные стебли так сильно, что побелели костяшки.

— Красивые, — тихо произнесла она, не поднимаясь с места. — Спасибо, Тарас. По какому поводу?

Он дёрнул плечом и поспешно отвёл взгляд в сторону.

— А что, обязательно нужен повод? Просто так. Ты же у меня устаёшь, шьёшь целыми днями...

Муж подошёл ближе, наклонился, чтобы поцеловать её в щёку. От него пахло табачным дымом и чем-то приторным, сладким — дешёвым коньяком. Но пугало даже не это. Пугало то, как упорно он избегал её прямого взгляда.

Когда Тарас выходил из комнаты, Наталья заметила, как он слегка запнулся в коридоре. Там, на стене, висел большой портрет её деда. Строгий старый профессор словно смотрел на зятя с холста, готовый задать какой-то очень неудобный вопрос. Тарас прошёл мимо картины боком, опустив голову.

Наталья потёрла висок. Интуиция, отточенная годами примерок на самых капризных и скрытных клиенток, тихо шептала: «Что-то не так». В воздухе висела фальшь — густая, липкая, как неосевшая пыль.

Но если странное поведение мужа вызывало лишь глухую тревогу, то визиты его сестры начали внушать настоящий страх.

Ксения Ланская раньше появлялась в их доме от силы раз в полгода — чтобы перехватить денег до зарплаты или похвастаться очередной «гениальной» бизнес-идеей, которая неизбежно проваливалась через месяц. Теперь же она практически жила у них.

Наталя ежедневно слышала её голос из кухни — громкий, резкий, перекрывающий даже шум закипающего чайника. Ксения вела себя так, словно эта просторная сталинская квартира уже принадлежала ей. Она без спроса открывала холодильник, переставляла чашки по своему усмотрению и заливисто смеялась над плоскими шутками Тараса, которые раньше открыто презирала.

Но хуже всего было то, как настойчиво она обхаживала бабушку.

Марта Игнатьевна, бабушка Натали, была женщиной старой закалки. Бывший контролер качества на крупном заводе, она всю жизнь видела людей насквозь. Но возраст безжалостно брал своё. В свои шестьдесят девять лет она стала хуже спать, ноги сильно болели к непогоде, а бдительность притупилась от вечной усталости.

— Марта Игнатьевна, ну вы только попробуйте, — ворковала Ксения на кухне.

Наталя замерла в полутёмном коридоре, прижимая к груди стопку выглаженного белья.

— Это специальный сбор, — продолжала заливаться соловьем золовка. — Мне подруга прямиком из Китая привезла. Сразу уснёте как младенец, и суставы крутить перестанет. Тарас, ну скажи ей!

— Да, баб, пей, — буркнул Тарас из своего угла. — Ксюха плохого не посоветует.

Наталя решительно вошла в кухню. Разговор мгновенно оборвался, словно его перерезали ножницами. Тарас поспешно уткнулся в тарелку с супом, а Ксения расплылась в широкой, но совершенно холодной улыбке. Её цепкие, подведённые чёрным карандашом глаза быстро пробежались по фигуре Натали, оценивая, много ли та успела услышать.

— Ой, Наташенька! — пропела Ксения. — А мы тут чаёвничаем. Тебе налить? Хотя нет, тебе же работать надо, глаза портить...

На столе стояла чашка с тёмной, почти чёрной жидкостью. Бабушка Марта держала её обеими руками, медленно вдыхая пар.

— Пахнет странно, — заметила Наталя, подходя ближе. — Мятой и... чем-то ещё. Будто железом.

Ксения резко дёрнулась, словно её укололи булавой.

— Каким ещё железом? Травы это натуральные! Вечно ты, Наташка, везде подвох ищешь. Человек к вам от чистого сердца, а ты...

Она демонстративно поджала губы, разыгрывая обиду, но Наталя успела заметить, как мелко дрожали пальцы золовки, когда та поправляла салфетку. Кончики её ногтей были испачканы чем-то серым, словно она долго перебирала старые монеты или газеты. И от неё шёл тот же едва уловимый, неприятный металлический запах.

— Не пей, бабуль, если не хочешь, — мягко сказала Наталя, положив руку на плечо старушке.

— Да нет, Наташенька, — тихо вздохнула Марта Игнатьевна, делая глоток. — Сплю я и правда скверно. А вчера после этого чая... так крепко заснула. Даже снов не видела. Словно в яму провалилась.

Наталя хотела возразить, но промолчала. В углу кухни за маленьким столиком сидела восьмилетняя Леночка. Девочка раскрашивала картинку и испуганно поглядывала на взрослых. Ради дочери Наталя терпела. Ради мира в семье она гасила внутри себя нарастающий пожар тревоги.

Но через два дня тревога сменилась чистой паникой.

Глава 2. Ловушка на двоих

Наталье понадобилось найти документы на швейную машинку — потребовался гарантийный талон для мастера. Она точно знала, где они лежат. Нижний ящик деревянного комода в её мастерской, синяя пластиковая папка. Наталья во всем любила педантичность: у каждой пуговицы, у каждого лоскута было своё строгое место.

Она выдвинула ящик и замерла.

Порядок был нарушен. Едва заметно для постороннего глаза, но абсолютно очевидно для неё. Стопка бумаг лежала не под прямым углом к стенке. Уголок старого семейного фотоальбома неестественно торчал наружу.

Кто-то рылся здесь. И искали явно не гарантийный талон на машинку.

В глубине этого ящика, под выкройками прошлых лет, хранилась плотная папка с документами на квартиру. У Натальи перехватило дыхание. Дрожащими пальцами она перебрала бумаги. Папка была на месте, но теперь она лежала на самом верху стопки, словно её небрежно бросили обратно.

— Тарас... — прошептала она.

Наталья вышла в гостиную, сжимая синюю папку в руках. Муж сидел на диване, бессмысленно щелкая каналами телевизора.

— Ты брал что-то в моем комоде?

Тарас даже не повернул головы.

— Делать мне больше нечего. В твоих тряпках копать.

— Кто-то трогал документы на квартиру, — её голос предательски дрогнул. — Они лежали совсем не так, как обычно.

Тарас резко выключил телевизор и повернулся. Его лицо мгновенно налилось багровой краской. Но это была не злость честного человека, которого несправедливо обвинили. Это была агрессия загнанного в угол зверя.

— Опять начинается! — выплюнул он, поднимаясь с дивана. — Ты становишься параноиком, Наташа. Точно как твоя бабка! То чай ей не такой, то цветы подозрительные, теперь вот бумаги переложены. Может, тебе к врачу сходить, голову проверить?

— Тарас, я серьёзно.

— А я, по-твоему, шучу?! — он навис над ней, тяжело дыша. — Хватит меня контролировать! Я в этом доме хозяин или пустое место? Если мне нужно будет взять документы, я их возьму. Но я их не трогал. Ясно тебе?

Он кричал слишком громко. Слишком театрально размахивал руками. Наталья инстинктивно отступила на шаг. Она впервые видела мужа таким — в его глазах плескался дикий, животный страх.

— Ясно, — тихо ответила она. — Прости.

Она ушла в мастерскую, но руки тряслись так сильно, что она трижды не смогла вдеть нитку в игольное ушко. Пока Леночка была в школе, Наталья перепрятала документы в единственное место, которое показалось ей безопасным — под матрас детской кровати. Это выглядело глупо и по-детски, но ничего лучше её воспаленный мозг придумать не смог.

Наступил вторник.

Этот день должен был пройти под знаком рутины. На три часа дня у Натальи была назначена важная примерка — свадебное платье для дочери местного чиновника. Ответственный заказ, который сулил хорошие деньги. Но в час дня клиентка позвонила и виноватым голосом сообщила об отмене встречи из-за форс-мажора.

Наталья стояла на шумной улице, сжимая телефон. Внезапно освободившиеся несколько часов показались ей подарком судьбы. Можно вернуться домой пораньше, испечь любимый

яблочный пирог для Лены и просто побыть в тишине. Тарас на складе, Леночка на продлёнке, Ксения вряд ли появится так рано. Бабушка, скорее всего, спит после очередного «целебного» чая.

Наталья купила в магазине пакет крепких, пахнущих осенью яблок и пошла к дому.

Подъезд их старой сталинки встретил её привычными запахами сырости и старых книг. Лифт со скрипом поднял её на четвертый этаж. Наталья достала ключи, но они не понадобились.

Дверь квартиры была приоткрыта.

Тонкая щель в пару сантиметров впускала в общий коридор сквозняк. Наталья замерла на площадке. Тяжёлый пакет с яблоками оттянул руку. Первая мысль была простой: забыли закрыть второпях. Но Тарас уходил рано, а бабушка вообще не выходила на улицу одна.

Она осторожно потянула ручку на себя. Петли двери, которые Тарас обещал смазать последние полгода, тихо скрипнули.

— Бабушка? — позвала Наталья. Голос прозвучал глухо, хрипло.

В ответ — тишина. Но это была не та уютная, сонная тишина, которая обычно царит в домах по будням. Это была тяжёлая, давящая, ватная тишина, в которой вязли любые звуки.

Наталья переступила порог. В нос мгновенно ударил резкий, химический запах. Смесь спирта, приторно-сладких духов Ксении и того самого металлического аромата. Сейчас он был настолько сильным, словно флакон с этой жидкостью разбили прямо на паркет.

— Марта Игнатьевна? — громче позвала Наталья.

Пакет выпал из её рук. Яблоки с глухим стуком раскатились по длинному коридору. Никто не отозвался.

Сердце забило где-то в горле. Наталья пошла вперед мимо строгого портрета деда. Дверь в гостиную была распахнута настежь. Тяжёлые бархатные шторы были плотно задёрнуты, погружая комнату в густой полумрак, рассекаемый лишь узкой полосой света из коридора.

Наталья сделала шаг внутрь, чувствуя, как ледяной ужас сковывает её ноги. Она ещё ничего не успела разглядеть, но на подсознательном уровне поняла: жизнь, какой она была до этой секунды, безвозвратно закончилась.

На полу гостиной, неестественно раскинув руки, лежала Марта Игнатьевна.

Глава 3. Чёрная краска

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.